

Николай Павлович Загоскин

**Верховники и шляхетство
1730 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н63

Н63 **Николай Павлович Загоскин**
Верховники и шляхетство 1730 года / Николай Павлович Загоскин – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 77 с.

ISBN 978-5-4241-5783-7

По поводу сочинения Д.А. Корсакова "Воцарение императрицы Анны
Иоанновны".

ISBN 978-5-4241-5783-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Послѣдній историческій трудъ *Д. А. Корсакова*—„Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“—имѣетъ свою задачу выясненіе одного изъ самыхъ видныхъ событій русской государственной жизни второй четверти XVIII-го столѣтія: попытку членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить въ 1730 году самодержавіе императрицы Анны Іоанновны.

Общая картина этой неудавшейся попытки была слѣдующая: въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года скончался отрокъ-императоръ Петръ II; съ нимъ пресѣклось мужское поколѣніе дома Петра I-го—и русскому государственному быту представилась необходимость видѣть на престолѣ одну изъ дочерей старшаго брата его, царя Іоанна Алексѣевича. Явленіе небывалое на Руси со временъ великой княгини Ольги: престолъ долженъ былъ достаться особѣ женскаго пола. Въ самую ночь кончины Петра II-го, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ количествѣ пяти человекъ, пригласивъ съ собою еще трехъ вельможъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ—удалились въ особую комнату для обсужденія вопроса о томъ, кому занять осиротѣвшій престолъ русскій. Въ числѣ этихъ восьми особъ—видимъ мы четырехъ представителей рода князей Долгоруковыхъ (князей Алексѣя Григорьевича, Василія Лукича, Михаила Владиміровича и Василія Владиміровича), двухъ представителей рода князей Голицыныхъ (князей Дмитрія Михайловича и Михаила Михайловича), канцлера графа Гавр. Изъ Головкина и вице-канцлера барона Ан. Изъ Остермана. Перемѣна шести лицъ пред-

ставляли собою квинт-эссенцію современной родовой знати, будучи потомками Долгоруких и Голицыныхъ, имѣвшихъ за собою блестящія традиции въ Руси Московской, а Долгорукіе сверхъ того — потомками удѣльныхъ князей Рюрикава дома. Двое послѣднихъ лицъ — были люди выслуги, принадлежащіе къ числу тѣхъ случайныхъ людей, которые возвысились лишь со вступленіемъ русскаго государства на путь Петровскихъ реформъ, съ тѣмъ только различіемъ, что первый былъ изъ роду мелкихъ городскихъ дворянъ Московской Руси, второй же принадлежалъ къ сонму даровитыхъ нѣмцевъ — выходцевъ начала XVIII-го столѣтія. Таковыъ былъ личный составъ случайнаго собранія савонниковъ, явившагося, какъ нѣтъ и вѣрно выражается Д. А. Корсаковъ, какимъ-то „самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ“, рѣшающимъ судьбы русской императорской короны. Ясно, что весь центр тяжести лежалъ въ этомъ собраніи въ шести князьяхъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, непосредственныхъ потомкахъ родословныхъ бояръ, всегда игравшихъ видныя политическія роли въ Московской государственной жизни; это положеніе вполне оправдывается дальѣйшими событіями начала 1730 года. Въ результатѣ совѣщаній этихъ восьми лицъ — „верховниковъ“, какъ принято называть ихъ въ литературѣ, — озадалось избраніе на русскій престолъ, по предложенію Д. М. Голицына, младшей дочери царя Іоанна, курляндской герцогини Анны, съ устраненіемъ старшей дочери его, Екатерины Мекленбургской. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ объ избраніи императрицы, верховники стали разсуждать о томъ, какъ-бы „себѣ облегчить“ и „воли себѣ прибавить“. „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ *этою*“, — заиѣтилъ князь В. Л. Долгорукой; „право удержимъ“ — ободрялъ его князь Д. М. Голицынъ. Рѣшено было сочинить „пудеты, чтобъ не быть самодержавію“ и съ тремя депутатами отправить ихъ въ Митаву, къ вновь избранной государынѣ, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о состоявшемся избраніи ея; депутаты должны были увѣрить императрицу, что предлагаемая ей къ подписанію ограничительная условія выражаютъ собою волю всего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были энергическія мѣры къ тому, чтобы Анна Іоанновна не была заблаговременно предупреждена объ истинномъ положеніи вещей сторонниками самодержавія и, слѣдовательно, не отказалась „пудетовъ“, обманомъ навязываемыхъ ей ер-

ховниками: кругомъ Москвы учреждены заставы и никто не долженъ былъ выѣзжать изъ столицы безъ вѣдома и разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мѣры эти не достигли своей цѣли: Аннѣ Иоанновнѣ съумѣли дать знать о замыслахъ верховниковъ. Остановимся на самой сущности ограничительныхъ условій, предложенныхъ Аннѣ Иоанновнѣ. Въ силу этихъ условій, она обязывалась всегда „содержать“ верховный тайный совѣтъ изъ восьми особъ и безъ согласія послѣдняго: 1) ни съ кѣмъ не начинать войны; 2) не заключать мира; 3) не вводить новыхъ податей; 4) не жаловать въ чины выше полковника, какъ по военной, такъ и по штатской табели чиновъ, а войскамъ гвардіи и арміи быть подъ вѣдѣніемъ В. Т. Совѣта; 5) у шляхетства (дворянства) безъ суда „живота и имѣнія и чести не отнимать“; 6) не жаловать вотчинъ и деревень; 7) въ придворные чины безъ совѣта В. Т. Совѣта не производить; 8) государственныхъ доходовъ въ расходъ не употреблять и 9) всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ содержать въ неотмѣнной милости.

Вникая въ содержаніе означенныхъ пунктовъ,—мы не можемъ не замѣтить въ нихъ стремленія верховниковъ высоко поставить значеніе В. Т. Совѣта и сдѣлать его учрежденіемъ замкнутымъ, доступъ въ которое былъ-бы доступенъ лишь для немногихъ избранныхъ (п. 4 и 7).

Посланнымъ отъ верховниковъ депутатамъ удалось заручиться подписью Анны Иоанновны на предложенныхъ ей условіяхъ—и дѣло верховниковъ повидимому торжествовало. Между тѣмъ шляхетству извѣстны стали замыслы верховниковъ и возбудили сильное неудовольствіе въ его средѣ; образовались партіи въ средѣ дворянства: одни предлагали напасть на верховниковъ и, перебивъ ихъ, уничтожить вмѣстѣ съ ними и ихъ замыслы; другіе же, болѣе умѣренные, желали лишь дать понять верховникамъ, что они не уполномочены самолично, немногимъ составомъ, передѣлывать государственное устройство. Въ виду возникшаго въ средѣ шляхетства движенія, В. Т. Совѣтъ сталъ себя вынужденнымъ идти съ нимъ на компромиссъ и разрѣшилъ представленіе въ Совѣтъ коллективныхъ проектовъ, мнѣній и заявленій шляхетства; такимъ проектомъ извѣстно въ наши дни двѣнадцать: эти проекты предлагаютъ реорганизацію существующаго государственнаго строя,—на гораздо болѣе укрѣпленныхъ впрочемъ началахъ, сравнительно съ дѣланомъ верх

ховниковъ. Но верховники слишкомъ поздно спохватились въ томъ, что восьми лицамъ невозможно располагать судьбами обширнаго государства, да къ тому же невыдержанность и неумѣлость плана дѣйствій ихъ сильно дискредитировали дѣло ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Не смотря на выраженное ими согласіе на дальнѣйшія уступки шляхетству—25 февраля во дворцѣ собралось до 800 человекъ изъ сената, отъ генералитета и дворянства. прося императрицу созвать особую комиссію выборныхъ отъ дворянства, для обсужденія, какъ самчхъ ограничительныхъ пунктовъ, такъ и вопроса о реорганизаціи государственнаго строя. Хотя императрица, вопреки протесту верховниковъ, и подписала поданную ей челобитную, тѣмъ не менѣе послѣдней не пришлось имѣть дальнѣйшаго хода: по почину присутствовавшихъ при этомъ гвардейскихъ офицеровъ, приверженцы стараго режима предложили шляхетству выразить государынѣ благодарность поднесеніемъ ей самодержавія—и это предложеніе, сочувственно принятое большинствомъ шляхетства, тутъ же и было приведено въ исполненіе. Императрицѣ поднесена другая челобитная, подносившая ей *самодержавство* таково, каково ея славные и достохвалныя предки имѣли²⁴, просившая ея уничтожить подписанныя ею въ Митавѣ ограничительныя пункты и уничтожить вѣнчатымъ Верховный Т. Совѣтъ, возстановивъ прежнее значеніе Петровскаго Сената. Вслѣдъ затѣмъ былъ изодранъ императрицею и листъ съ подписанными ею пунктами.

Такъ окончилась неудачная попытка верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны.

I.

Само собою разумѣется, что взявъ въ руки *историческое* сочиненіе Д. А. Корсакова, читатель имѣетъ полнѣйшее основаніе искать въ книгѣ его историческаго освѣщенія событія 1730 года, вправѣ рассчитывать найти въ ней изложеніе связи даннаго событія съ предшествовавшими эпохами развитія русской государственной жизни, а также и съ явленіями послѣдующаго времени.

Попытку дать историческое освѣщеніе событію 1730 г. находимъ мы у Д. А. Корсакова во введеніи къ его книгѣ, на стр. I—XIV. Здѣсь авторъ указываетъ причины, подготовившія событія вѣдранія Анны Іоанновны, руководствуясь

мыслями, высказанными въ статьѣ г. Карновича: „Замыслъ верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году“ (Отеч. Зап. 1872 г., т. СХСХ). Сравнивая изложеніе этихъ причинъ въ книгѣ г. Корсакова съ одной стороны, и въ статьѣ г. Карновича съ другой стороны — нельзя не отдать предпочтеніе изложенію послѣдняго, какъ съ точки зрѣнія полноты и ясности, такъ и съ точки зрѣнія аргументаціи. Нельзя не пожалѣть что авторъ, передѣлывая и сокращая доводы г. Карновича, не указалъ на источникъ, изъ котораго заимствовалъ мысли, легшія въ основу его изложенія; желающій ближе ознакомиться съ вопросомъ о причинахъ событія 1730 г. могъ бы, руководствуясь ссылкой автора, раскрыть статью Карновича и найти несравненно болѣе подробную и ясную аргументацію. Вообще, разсматриваемая часть книги Д. А. Корсакова — слабѣйшая во всемъ сочиненіи. Ясно, что авторъ, не желая терять трудъ на самостоятельную разработку историческихъ причинъ событія 1730 года, съ презрѣніемъ игнорируетъ Русь до-Петровскую; обходя указанія Карновича (хотя и весьма краткія) на явленія государственной жизни Московскаго государства, могущія стоять въ связи съ событіемъ 1730 г., — заимствуетъ только тѣ причины, выясняемыя г. Карновичемъ, которыя коренятся въ явленіяхъ жизни начала XVIII и отчасти только конца XVII столѣтія.

Въ своемъ введеніи, Д. А. Корсаковъ прежде всего пытается уяснить характеръ реакціи „противъ программы царя-преобразователя“, реакціи имѣвшей мѣсто какъ при жизни Петра I, такъ и послѣ его кончины. Первая, говоритъ авторъ, была *пассивная*, такъ какъ открыто сопротивляться Петру было невозможно, вторая же — *активная*, наступившая со смертью преобразователя. Установивъ такимъ образомъ различіе реакціи противъ „программы“ Петра при жизни послѣдняго и послѣ его кончины — авторъ старается кратко охарактеризовать оба вида реакціи, и пассивной и активной. Пассивная реакція выразилась въ двухъ противоположныхъ полюсахъ русскаго народа: въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Въ чемъ же *выразилась* эта реакція? — естественно спроситъ читатель автора. Предвидя невозможность обойти отвѣтъ на этотъ вопросъ — авторъ выходитъ изъ затрудненія весьма простымъ способомъ: онъ отдѣлывается нѣсколькими общими, безсодержательными фразами, — не ли-

женными впрочемъ риторическихъ красоть, хотя и не дѣлающими чести историческимъ знаніямъ автора. Приведемъ дословно отвѣтъ автора:

„Пассивные протестанты изъ того и другаго саса—убѣгають отъ тягостей Петровыхъ „новшествъ“, но тѣ и другіе блуждаютъ разном, безъ общаго плана, безъ ясно сознанный мысли. Крестьяне убѣгаютъ въ дѣйствительности, бояре убѣгаютъ въ переносномъ смыслѣ (!), углубляются мысленно въ самихъ себя (?). Крестьяне убѣгаютъ или на Волгу, на „широкое раздолье“, въ степь, въ „мать—тихую пустыню“, или зарубежные лѣса литовскіе; бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, до-Петровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ“.

Что означаетъ эта художественная тирада изъ введенія къ книгѣ Д. А. Корсакова? Характеристику пассивной реакціи противъ „новшествъ“ при жизни самаго преобразователя? Позволю себѣ усумниться въ томъ и завѣрить автора, что читатель, мало малюски знакомый съ русской исторію, станетъ неволью въ тупикъ: гдѣ же нашелъ здѣсь авторъ реакціи противъ *Петровскихъ реформъ*? Развѣ до Петра I-го крестьяне не убѣгали на Волгу, „на широкое раздолье, и въ „мать—тихую пустыню“? Побѣги эти были дѣйствительно выраженіемъ реакціи крестьянъ, но не противъ Петровскихъ реформъ, а противъ развивающагося крѣпостнаго права. Время особеннаго усиленія этого характернаго для второй половины XVII вѣка явленія—начинается съ изданія Уложенія 1649 г., которымъ отиѣнены были такъ называемыя урочныя лѣта; въ исторіи русскаго крестьянства вся вторая половина XVII вѣка наполнена свидѣтельствами о хроническомъ бѣгствѣ крестьянъ въ украинные города, на Волжскія низовья, на Донъ и въ Сибирь, и о борьбѣ съ этимъ явленіемъ правительства Московскаго. Излюбленный авторомъ XVIII вѣка лишь увѣдывалъ это явленіе отъ Руси Московской. При чемъ же тутъ Петровскія реформы и „пассивная“ реакція противъ нихъ крестьянства? Ясно, что автора выдаю здѣсь головою плохое знакомство съ внутреннимъ состояніемъ Московскаго государства и такимъ явочнымъ произведеніемъ, каковыя называются „Крестьяне на Русь“ покой-

наго И. Д. Бѣлева. Вторымъ выраженіемъ пассивной реакціи противъ Петровскихъ реформъ является, по мнѣнію автора, „бѣгство въ переносномъ смыслѣ“ мечтами и воспоминаніями въ до—Петровскую Русь высшаго слоя русскаго народа — боярства. Чтобы доказать безсодержательность этого положенія и совершенное отсутствіе въ немъ чертъ, характерныхъ для „пассивной реакціи“ автора—я позволю себѣ переимѣнить въ относящемся сюда текстѣ книги г. Корсакова всего два слова и прочесть его слѣдующимъ образомъ: ...„боаре убѣгають своими воспоминаніями и мечтами *въ удальную, въ до-Московскую* Русь, или въ заморскія страны, стремясь пайти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ“. Узнаеть ли авторъ въ приведенныхъ словахъ характеристику стремленій Московскаго боярства XVI-го вѣка, времяъ Берсени-Беклемишева и Феодора Жаренаго, слишкомъ храбро „убѣгавшихъ воспоминаніями“ въ прошлое родной страны? Припомнится-ли ему кровавая борьба Грознаго царя съ такими же „убѣганіями“ боярства? Припомнится ли ему событія, сопровождавшія воцареніе Годунова, Шуйскаго и Михаила Феодоровича и призванія на престолъ Владислава (о которыхъ ниже будетъ говорено подробнѣе)? Затронувъ разъ вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ, автору не лишнее было бы серьезнѣе отнестись къ этому вопросу, выяснить въ краткихъ чертахъ *характерныя* явленія отщепенческаго отношенія къ нимъ различныхъ слоевъ русскаго народа—и боярства, и служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, и духовенства, и посадскихъ людей, и крестьянъ, не забыть и отношенія къ нимъ раскола и дать всему этому матеріалу приличную и научную аргументацію, а не отдѣловаться общими фразами. Авторъ возразить намъ, что подобная работа отвлекла бы его слишкомъ далеко отъ основной темы сочиненія и потребовала бы слишкомъ много времени. На первое мы отвѣтимъ, что хотя авторъ и признаеть свой трудъ только „этнодомъ“, тѣмъ не менѣе этотъ „этнодъ“—историческое изслѣдованіе, рассчитанное на приобрѣтеніе *высшей* ученой степени, а весьма позволительно усумниться въ возможности научной разработки известнаго историческаго событія, отбывая его отъ предшествовавшаго хода историческаго

жизни народа. На второе мы отвѣтимъ, что вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ — вопросъ не открытый въ русской исторической наукѣ и что специалисту - историкъ, потребовалось бы не особенно большой затраты времени на собраніе и обработку существующаго для этого вопроса матеріала, хотя конечно изложене его и потребовало бы нѣсколько страницъ, вмѣсто полуторы странички, посвященной ему авторомъ. Не менѣе бояво разрѣшаетъ авторъ и вопросъ объ активной реакціи противъ Петровскихъ реформъ, наступившей послѣ смерти преобразователя. Выразителемъ этого протеста (этимъ терминомъ замѣняетъ теперь авторъ слово „активная реакція“) является высшій слой русскаго народа — „который всего болѣе былъ придавленъ реформой (?) — родословные люди“. Протестъ этотъ, какъ вытекаетъ изъ словъ автора, сводится къ тому, что родословные люди „возстаютъ и противъ новыхъ русскихъ людей, выдвинутыхъ реформой, и противъ иностранцевъ, явившихся къ намъ въ обиліи во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба — общественная и національная“. Если при изложеніи вопроса о „пассивной“ реакціи (замѣтимъ кстати, что своею игрою словами *пассивная* и *активная* реакція — авторъ наводитъ на мысль, что ему не вполне сознательно представляется истинное значеніе этихъ словъ) авторъ выказалъ неосновательное знакомство съ исторіею до-Петровской Руси, то теперь, при изложеніи вопроса объ „активной“ реакціи — онъ выказываетъ малое знакомство съ вопросомъ о Петровскихъ реформахъ, объ отношеніи ихъ къ жизни русскаго народа и весьма отсталый взглядъ на самое значеніе исторіи, какъ науки. Кто изъ лицъ, мало мальски знакомыхъ съ русскою исторіею, на — слово повѣритъ г. Корсакову, что выразителемъ протеста противъ Петровскихъ реформъ является только высшій слой русскаго народа, люди родословные, и что протестъ этотъ выражается лишь въ борьбѣ съ русскими людьми, водвинутыми реформой, и съ иностранцами? Кто на — слово повѣритъ г. Корсакову, что родословные люди всего болѣе были *придавлены* реформой? Въ чемъ же наконецъ видѣтъ авторъ это „придавленіе“? Отвѣтъ находимъ мы на стр. IX—X: дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ, каковымъ является *незданное*, у него не было никакихъ привилегій сравнительно съ другими сословіями, и

т. п. А развѣ крестьянство не было не только придавлено, но и совершенно раздавлено въ царствованіе Петра? Развѣ авторъ не знаетъ послѣдствій первой ревизіи 1719 года, разобидившей крестьянина отъ государства, утвердившей фактическія злоупотребленія помѣщичьей власти и сдѣлавшейся исходною точкою дальнѣйшаго, уже не фактическаго, а легальнаго развитія крѣпостнаго права и стѣсненія правъ крестьянства? Вообще, нельзя не согласиться къ однимъ изъ рецензентовъ книги г. Корсакова, что онъ совершенно игнорируетъ существованіе и значеніе народа въ исторіи, что, смявъ выводите историческія явленія изъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ личностей, онъ не примѣчаетъ слова—русскаго народа (Недѣля за 1880 г., № 23). Историческое направленіе г. Корсакова все еще не мышло—на сколько можно судить по историческимъ работамъ его за послѣдніе восемь лѣтъ—изъ заколдованнаго круга повѣствованія о достопамятныхъ событіяхъ, невольно принимая біографо-анекдотическую окраску, съ сильнымъ беллетристическимъ пошибомъ и обращаясь въ *собраніе рѣдкостей*, какъ называстъ подобное направленіе профес. К. Н. Бестужевъ—Гюминъ въ введеніи къ своей „Русской Исторіи“.

Мы разсмотримъ попытку Д. А. Корсакова связать событіе, избранное имъ предметомъ диссертациі своей, съ реформами Петра I-го и съ отношеніемъ къ нимъ русскаго общества. Мы признаемъ эту попытку совершенно неудовлетворительною и задачу автора совершенно невыполненною. Читатель безъ всякаго ущерба для ознакомленія съ событіемъ 1730 г. можетъ пропустить первыя двѣ страницы введенія и начать съ третьей страницей, гдѣ авторъ указываетъ „явленія, бывшія главнѣйшими элементами, образовавшими фпкты воцаренія (sic!) Анны Іоанновны“. Послѣдуемъ за авторомъ въ эту въ высшей степени интересную (по своему существу, а не изложенію ее въ книгѣ г. Корсакова) сторону вопроса.

Если авторъ былъ вполнѣ „самостоятеленъ и оригиналенъ на первыя двухъ страницахъ своего введенія, то теперь онъ уже не можетъ похвалиться тѣмъ же качествомъ. Вопросъ объ историческихъ явленіяхъ, подготовившихъ событіе 1730 года—излагается имъ на основаніи статьи г. Карновича „Замысли верховниковъ и челоубичиковъ въ 1730 году“ (Отч. Зап. 1872 г., т. СХСХ). Авторъ воступилъ при

этомъ весьма деликатно, не цитируя заимствованія тѣхъ или другихъ мыслей и взглядовъ у г. Карновича; послѣдній върядъ ли поблагодарилъ бы его за неудачную переработку высказанныхъ имъ положеній.

Д. А. Корсаковъ указываетъ слѣдующія пять „явленій“, бывшихъ главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Иоанновны: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія и 5) отношенія русскихъ людей къ иностранцамъ. Рассмотримъ каждое изъ этихъ „явленій“ въ отдѣльности—въ переработкѣ автора „Воцаренія императрицы Анны Иоанновны“.

1. *Неопредѣленность престолонаслѣдія* послѣ Петра Великаго, какъ историческое условіе, подготовившее событія 1730 г.—аргументируется Д. А. Корсаковымъ крайне неудовлетворительно сравнительно съ г. Карновичемъ. Исчисляя всѣ условія по престолонаслѣдію, начиная съ отстраненія царевича Алексѣя до смерти Петра II-го, авторъ невольно ставитъ читателя въ недоумѣніе: *какими же именно путемъ* всѣ эти затрудненія и „конъюнктуры“ подготовили обстоятельства восшествія на престолъ Анны Иоанновны? Изъ указываемыхъ авторомъ отдѣльныхъ случаевъ шаткости въ престолонаслѣдіи за первое тридцатилѣтіе XVIII вѣка—лишь по отношенію къ воцаренію Екaterины I высказываетъ авторъ положеніе, что это воцареніе „служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію“. Нельзя не пожалѣть, что авторъ, заимствовавъ мысль г. Карновича о связи неопредѣленности въ престолонаслѣдіи съ обстоятельствами воцаренія Анны Иоанновны, не только не постарался въ своемъ ученomъ трудѣ ступить шагъ впередъ сравнительно съ журнальною статью г. Карновича, но, напротивъ, выказываетъ значительный регрессъ въ аргументаціи этого вопроса. Въ статьѣ г. Карновича читатель найдетъ весьма обстоятельное изложеніе историческаго развитія права престолонаслѣдія (хотя и трудно согласиться со всѣмъ, высказаннымъ здѣсь авторомъ), начиная съ Руси до-Петровской; здѣсь найдетъ онъ и попытку объясненія замѣчательнаго явленія двоярчества Ивана и Петра Алексѣевичей, и прагматиче-